

Страницы прошлого

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-148-165

«Беспокойная история неустойчивого мира»: к 100-летию Версальского мирного договора

Александр Александрович ВЕРШИНИН

кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра истории России XX–XXI вв. исторического факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: averchinine@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5206-8013

ЦИТИРОВАНИЕ: Вершинин А.А. (2019) «Беспокойная история неустойчивого мира»: к 100-летию Версальского мирного договора // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 148–165.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-148-165

Статья поступила в редакцию 10.06.2019.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-6084.2018.6)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу Версальской системы международных отношений. Автор акцентирует тот факт, что она стала порождением первой тотальной войны в истории человечества и уже поэтому имела ряд характеристик, разительно отличавших ее от моделей, существовавших в прошлом. Целью ее основателей было установить прочный мир в ситуации, когда ход и последствия мировой войны предполагали применение особо жестких санкций в отношении побежденной стороны. Кроме того, война привела к тому, что проблемы послевоенного урегулирования и внутривнутриполитическая повестка воевавших стран, отмеченная «восстанием масс», оказа-*

лись неразрывно связаны. Все это создавало особый фон для работы Парижской мирной конференции. Лидеры Франции и Великобритании действовали во многом под влиянием этих факторов, что ограничивало их поле для маневра. Оказалось невозможным в полной мере воплотить в жизнь проект демократического мира, предложенный президентом США В. Вильсоном. Эти противоречия нагляднее всего проявились в ходе обсуждения русского вопроса. В результате возникшая система международных отношений была отмечена рядом структурных противоречий, что делало неизбежным ее распад. По мнению автора, со схожими вызовами сталкивается и современная мировая политика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *международные отношения, Версальский мирный договор, Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж*

Нынешнее состояние международных отношений часто сравнивают со временами холодной войны. Отчужденность между двумя ведущими ядерными державами, блоковое противостояние в Европе, напряженность, экспортируемая в разные регионы мира, наконец видимость идеологического противостояния – все это дает основания ряду исследователей переводить стрелки истории на 50 лет назад [Легвольд 2014; Караганов 2018]. Их оппоненты указывают на то, что подобный подход не имеет под собой оснований [Барановский 2016]. Представляется, что они имеют серьезные аргументы: холодная война была уникальным временем в мировой политике, когда вся она так или иначе сводилась к противостоянию СССР и США, которое развивалось по всем направлениям и имело фундаментальный характер.

Сейчас мы наблюдаем нечто принципиально иное. Оси противостояния «Запад – Восток», вокруг которой вращается все остальное, больше нет. Как бы того кому-то ни хотелось, российско-американские отношения давно не определяют вектор международного развития и даже не являются основным его компонентом. Различия в весовых категориях – важная, но не единственная причина этого. В отличие от своего предшественника, современная Россия не предлагает миру альтернативный проект развития, который притягателен (и опасен) именно тем, что написан на понятном Западу языке. Китай, видимо, далек от того, чтобы воспроизвести модель советско-американ-

ской конкурентной борьбы периода холодной войны [Портяков 2013].

Не существует и того, что определяло международные правила игры в XVIII–XIX вв. – концерта великих держав. Вероятно, именно его имеют в виду те мировые лидеры, которые говорят о необходимости многополярного мироустройства. Пока неочевидно, как эта модель может реализоваться в ситуации начала XXI в. В свое время ее краху способствовали закат старой кабинетной дипломатии, идеологизация внешней политики и формирование запроса на глобальный мировой порядок, выходящий за рамки простого балансирования национальных интересов. Ни один из этих факторов полностью не снят сегодня с повестки дня. Внешняя политика, чем дальше, тем в большей степени, делается на виду, при активном участии общественного мнения. Никаким закулисным договоренностям больше нельзя верить. Грань между внутренними и внешними делами быстрыми темпами стирается. Нарастает ощущение хаоса, а вместе с ним и естественное стремление к некоему общему порядку.

Иными словами, едва ли в истории международных отношений можно найти близкий пример той ситуации, которая сложилась сегодня. Тем не менее поиск аналогий имеет смысл: у нас нет другого реального способа понять, что сегодня происходит в мире, и, главное, оценить возможные последствия развития тех процессов, которые наблюдаются в настоящий момент. Холодная война в данном случае – не самый удачный кейс. Структурно нынешнее состояние международных отношений ближе к ситуации 1919–1939 гг. История Версальской системы¹ гово-

¹ В данной статье автор непосредственно не касается постановлений Вашингтонской конференции 1922 г., которые дополнили соглашение, заключенное в Версале, и изучает ту систему европейской безопасности, которая была сформирована решениями Парижской мирной конференции 1919 г.

рит гораздо больше о том, что происходит в мире, когда при усложняющихся условиях общественно-политического развития дает сбой механизм поддержания глобальной безопасности.

Данная статья не претендует на выявление строгих параллелей и закономерностей, которые прольют свет на современное положение дел. Строго говоря, она не столько о настоящем, сколько о прошлом. Над всей историей Версальской системы тяготеет ее бесславный конец. Ретроспективно она представляется сверстанной на скорую руку моделью, которая изначально неслала в себе семена собственного разрушения. При том что это во многом действительно так, подобный взгляд требует определенного уточнения.

XX век невозможно понять без учета той роли, которую в современной истории сыграла Первая мировая война. По точному замечанию Эрика Хобсбаума, «огромное сооружение цивилизации девятнадцатого века рухнуло, когда в пламени мировой войны сгорели подпиравшие его опоры» [Хобсбаум 2004, с. 32]. Масштаб конфликта впечатлял: в него так или иначе оказались вовлечены все крупные мировые державы и фактически все европейские государства, кроме нескольких нейтральных. К 1914 г. Европа на протяжении 100 лет не знала больших войн. Конфликты по типу франко-германского 1870–1871 гг. были скоротечными и мало сказывались на жизни людей. Другие войны разворачивались на периферии и оказывали лишь незначительное, конъюнктурное влияние на общественно-политическую жизнь в метрополиях.

Вероятно, крупнейшим по масштабам вооруженным конфликтом после Наполеоновских войн стала Гражданская война в США (1861–1864), превра-

тившая в поле битвы всю территорию страны между Аппалачами и Атлантическим океаном и унесшая жизни более 1 000 000 чел. Столкновение между Севером и Югом уже имело все признаки тотальной войны: для достижения победы стороны мобилизовали практически весь свой промышленный и демографический потенциал. Так, в армии Юга успел отслужить почти каждый белый мужчина, способный носить оружие [Маль 2002, с. 39]. Гражданская война в значительной степени была конфликтом идеологий, что обуславливало ее особый накал и вовлечение в нее широких слоев американского общества.

Однако и Гражданская война в США носила периферийный характер для тогдашней системы международных отношений. Поколения европейцев жили в условиях, в общем, стабильного мира. Экспансионистские амбиции держав Старого света направлялись вовне. К 1914 г. сильнее из них стали колониальными империями. «Жители метрополий, – отмечает Доминик Ливен, – рассматривали империю как источник славы, статуса и значимости своей роли в истории человечества. Геополитическая основа эпохи империализма состояла в убежденности, что территории размером с континент и их природные ресурсы служат ключом к созданию по-настоящему великой державы в XX в. Европейская страна могла приобрести эти ресурсы, лишь имея силу империи» [Ливен 2017, с. 19].

Колониальная экспансия играла и важную политическую роль. Завоевание заморских владений, реализация цивилизаторской миссии смягчали социальные противоречия и формировали основу для консолидации европейских наций [Миллер 2006, с. 50–51]. Стабильное, но не без срывов, экономическое развитие Европы вселяло оптимизм, позволяя надеяться на дальнейший рост материального благосостоя-

ния, которое постепенно начинало перераспределяться в рамках социального государства. В этих условиях либеральная политическая система успешно справлялась со своей основной задачей – «ослаблять ожидаемый или возможный классовый конфликт или, если угодно, смягчать и сглаживать конфликт классовых интересов с целью сохранения существующих институтов собственности и рыночной системы от эффективных нападений» [Макферсон 2011, с. 81]. Продолжавшаяся научно-техническая революция убеждала в том, прогресс неизбежен и ведет к улучшению условий жизни людей.

Все это необходимо учитывать, чтобы понять тот шок, который охватил европейцев по итогам Первой мировой войны: «Старое общество, старая экономика, старые политические системы, как говорят китайцы, “утратили благословение небес”» [Хобсбаум 2004, с. 67]. Весь потенциал, накопленный западной цивилизацией за предыдущие десятилетия, который должен был служить делу созидания богатства и благополучия, стал оружием самоуничтожения. Начавшаяся как результат рядового внешнеполитического кризиса, который предстояло, как в прошлом, разрешить на поле боя, война превратилась в самоцель и постепенно подчинила себе всю общественную повестку дня. Социально-экономические и политические системы европейских держав оказались эффективными инструментами мобилизации всех видов ресурсов – демографических, материальных, символических – для ведения тотальной войны. Грань между фронтом и тылом исчезла. Воевали уже не армии, а нации. Достижения науки и техники обратились в орудия убийства.

Карл Клаузевиц в начале XIX в. писал: «Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения

и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера являлся бы чисто книжной выдумкой, не имеющей никакого отношения к действительности» [Клаузевиц 1934, с. 5]. Первая мировая война наглядно показала, что современные условия могут максимально приблизить подобную «выдумку» к реальности. Цели сторон оказались настолько непримиримы, а их ресурсы настолько велики, что все попытки примирения при сохранении определенного баланса сил и интересов оканчивались ничем.

Война шла на уничтожение и, соответственно, уже поэтому предполагала демонтаж всей имевшейся на 1914 г. конструкции мировой политики. Со времен Вестфальского конгресса 1648 г. каждая капитальная перестройка системы международных отношений сопровождалась большими войнами. Но никогда до сих пор ставки не были так высоки, а цели – так амбициозны. Даже поражение в Наполеоновских войнах не лишило Францию статуса великой державы. На протяжении XIX в. модель «концерта» оставалась неизменной и в том случае, если некоторые из участников на время утрачивали свое положение или вообще выпадали из нее. Уже Брестский мир 1918 г. показал, что победитель в мировой войне будет стремиться получить все, не считаясь с соображениями сохранения международной стабильности [Fischer 1967]. Дискриминационный в отношении Германии характер Версальского мира надо оценивать именно с этой точки зрения.

Таким образом, перед людьми, собравшимися в январе 1919 г. в Париже для решения судеб мира, стояла беспрецедентная по сложности задача. Воссоздать мировой порядок предстояло,

выключив из него побежденную сторону. Доводы о недальновидности лидеров Антанты, заложивших мину под здание Версальской системы, имеют смысл лишь с позиции знания последующих событий и всей истории XX в. С учетом изначально завышенных обеими сторонами ставок, той цены, которая была уплачена за победу над Германией, и памяти об условиях мира, навязанного Рейхом России, трудно было ожидать от победителей поведения в духе «14 пунктов» президента В. Вильсона или ленинского декрета о мире.

Однако сами эти идеи, нашедшие живой отклик во всех воевавших странах, возникли не на пустом месте. Они также являлись порождением мировой войны, которая в большой степени идеологизировала мировую политику [Туз 2019, с. 28]. Современная система международных отношений возникла в Новое время на основе максимально возможного исключения априорного идейного компонента из процесса взаимодействия суверенных государств [Манан 2004, с. 48–49]. С тех пор как религия перестала оказывать на него определяющее воздействие, основным критерием формирования мировой повестки стал принцип национального интереса. К началу XX в. он эволюционировал в концепцию справедливого «места под солнцем».

Война 1914–1918 гг., обернувшаяся неисчислимыми бедствиями, нанесла мощный удар по самой его легитимности. Став важнейшей вехой начала «эпохи масс», она привела к беспрецедентной политизации социально-политической жизни. Накануне 1914 г. империализм сознательно взращивал общественное мнение, подводя под свои внешнеполитические амбиции основу в виде национализма. Эта структура сохранилась, но к 1918 г. она заполнилась иным содержанием. Массовое неприятие разрушительной войны обер-

нулось поддержкой альтернативных универсальных идей, на первое место выдвигавших новое качество международной политики.

Всеобщий справедливый мир без аннексий и контрибуций, отказ от тайной дипломатии и неравноправных договоров, право наций на самоопределение – эти и другие лозунги находились в неразрывной связи и с внутриполитической повесткой, сложившейся в основных воевавших странах. Вернувшись с войны люди хотели лучшей жизни и мира. Дискурс о новом послевоенном мире формировался как всеохватывающий. В его рамках социальная справедливость и демократизация международных отношений выступали двумя сторонами одной медали.

Этот тренд не могли не учитывать лидеры Антанты на конференции в Париже, что еще больше усложняло их задачу. Новый мировой порядок требовалось не только возвести на заведомо ослабленном фундаменте, но и настроить его на совершенно новый лад, оформить соответствующими символами, если не на деле, то хотя бы на уровне деклараций. Причем этот вызов находился в органической связи с необходимостью создания социального мира в странах, вышедших из войны. Возникший таким образом узел окончательно запутывало еще одно обстоятельство. На международной арене действовал игрок, который сам собой олицетворял эту двойную проблему, стоявшую перед хозяевами послевоенной Европы. Советская Россия, будучи, как и Германия, изгоем Версальской системы, являлась носителем универалистской идеологии, альтернативной старому либерализму. В ее рамках социально-политические изменения и формирование нового качества международных отношений являлись звеньями одной цепи и находились в тесной взаимосвязи.

Никто из представителей «большой тройки», заседавшей в Париже, не испытывал иллюзий насчет той задачи, которую им предстояло решить. Для французов на первом месте стояла необходимость заключить мир без Германии и за счет Германии, причем этот мир должен был стать если не вечным, то, во всяком случае, прочным и стабильным. Франции слишком тяжело далась победа над своим историческим врагом. В относительном измерении она понесла самые тяжелые потери из всех стран – участниц мирового конфликта. Почти 1,4 млн французских солдат были убиты, что составляло более 16% от числа всех мобилизованных и примерно четверть всех мужчин в возрасте от 18 до 27 лет [Steiner 2005, p. 20]. 3,6 млн чел. получили ранения. На фоне практически не растущей с конца XIX в. численности населения эта убыль являлась колоссальным ударом по демографическому потенциалу страны. 10 северо-восточных департаментов, один из наиболее промышленно развитых районов страны, лежали в руинах. 9300 предприятий были полностью разрушены. 2 млн га пашни выпали из сельскохозяйственного оборота. Национальное богатство сократилось на 12%. Национальный долг в 1918 г. составил огромную сумму в 170 млрд франков [Манфред 1973, с. 6].

Для миллионов французов выстраданная победа была слабым утешением. «Правда состоит в том, – отмечала передовица одной из центральных французских газет в феврале 1919 г., – что мы радуемся победе подобно тому, как радуются выжившие после катастрофы или ужасной болезни»². Победа, сколь бы долгожданной она ни была, имела для Франции смысл лишь в одном случае: если бы она покончила с войной

на обозримую историческую перспективу. Руководители Третьей республики хорошо понимали, что страна по ту сторону Вогезов по своему совокупному потенциалу значительно превосходит Францию и, имея все возможности для реванша, рано или поздно ими воспользуется. Премьер-министр Ж. Клемансо и армейское командование в лице маршала Ф. Фоша исходили из того, что прочный мир невозможен без максимального ослабления Германии. Она, по словам одного из министров Клемансо, «должна была заплатить за все»: передать под контроль Парижа левый берег Рейна, пойти на многомиллиардные репарации и распустить собственные вооруженные силы.

Насколько такой взгляд был объективен? Как сегодня известно историкам, в головах у представителей французской политической элиты вырисовывались и иные модели выстраивания послевоенных отношений с Берлином. А. Бриан, в будущем один из инициаторов международного соглашения об отказе от войны как средства разрешения споров между государствами, уже в ходе работы Парижской конференции указывал на то, что мир на антигерманской основе не станет прочным [Unger 2005]. Клемансо не исключал возможности франко-германского сближения на основе экономического сотрудничества [Steiner 2005, p. 21]. В 1929 г. он писал о том, что задачей союзников было не столько ослабить саму Германию, сколько нанести удар по агрессивному милитаризму и сформировать систему, основанную на европейских идеях права и справедливости [Clemenceau 1930].

Проблема заключалась в том, что в 1919 г. французский политический истеблишмент стал заложником настроений, овладевших им в годы войны, ко-

2 Le Temps. 28.II.1919.

торые, в свою очередь, во многом подпитывались энергетикой «восставших масс», как с правого, так и с левого фланга. Всех их объединяло стремление к миру, однако если первые ради него были готовы принести в жертву Германию, то вторые требовали покончить с той системой, которая плодит войны и социальную несправедливость. Альтернатива политике в духе «боши заплатят за все», с французской точки зрения, выглядела слишком непредсказуемой со всех точек зрения. Ставки, сделанные в 1914 г., через четыре года выросли до предела. Разменять реальную военную победу на туманную перспективу примирения на основе компромисса означало пойти на неоправданный риск. Кроме того, сформулированные президентом США В. Вильсоном идеи всеобщего равноправного мира, основанного на универсальных ценностях, выглядели неубедительными и опасными на фоне тех бурь, которые были вызваны к жизни наступившей эпохой революций. Заседая в здании министерства иностранных дел Франции, делегаты мирной конференции в окна особняка на Кэ д'Орсэ могли лицезреть многолюдные манифестации под социальными лозунгами, захлестнувшие улицы французской столицы весной 1919 г.

1 мая в двухмиллионном Париже на демонстрации вышло более 500 000 чел. Французское социалистическое движение, дискредитированное в глазах рядового избирателя поддержкой мировой войны, находилось на грани раскола: из его рядов готовилось выйти левое крыло, ориентировавшееся на русский революционный опыт. Но в то же самое время Франция переживала и рост массового национализма. На волне антигерманских и антибольшевистских настроений осенью 1919 г. на выборах в парламент победила коалиция правых партий. Общество поляризова-

лось. В ситуации, когда повестки мирного урегулирования и решения взрывоопасных социальных проблем совпадали в ряде важных отношений, руководство Третьей республики решило опереться на силу. Однако Франция здесь вступала в конфликт со своими главными союзниками по Антанте.

Британские политические элиты также находились под мощным давлением общественного мнения. В декабре 1918 г. в стране прошли парламентские выборы. Современники называли их голосованием «цвета хаки». Вероятно, никогда раньше в истории страны народное волеизъявление не сопровождалось таким взрывом агрессивного шовинизма, вообще мало присущего местной политической культуре. Почти все кандидаты, выступавшие против заключения мира на жестких для Германии условиях, потерпели поражение. Сам премьер-министр Д. Ллойд Джордж, хорошо владевший искусством политического маневра, был вынужден учитывать это обстоятельство. 5 декабря он потребовал суда над кайзером как «отъявленным преступником» [Lentin 1984, p. 25]. Подобные настроения были вполне объяснимы на фоне тех потерь, которые понесла Великобритания в войне. 700 000 ее солдат погибли на фронтах – в 5 раз больше, чем за все время Наполеоновских войн. Британская общественность болезненно переживала тот факт, что эти жертвы были принесены в ходе конфликта, непосредственно не угрожавшего суверенитету страны.

Несмотря на то что британские политические элиты, как и французские, теоретически располагали различными инструментами обеспечения послевоенного мира, они в итоге сделали выбор в пользу компромиссной позиции. Ллойд Джордж не сомневался в том, что Германия несет основную ответственность за развязывание миро-

вой войны и будущий мир должен быть достаточно жестким. Немцам следовало преподать «незабываемый урок» [Steiner 2005, p. 29]. Однако премьер-министр, в отличие от своих французских коллег, имел большее поле для маневра. Общественное мнение Великобритании, несмотря на рост милитаристских настроений на завершающем этапе войны, оставалось более монолитным в видении целей мирного урегулирования, чем французское.

Революционные проекты, подпитывавшиеся опытом русской революции, играли здесь гораздо меньшую роль. Британские политики и общественные деятели в массе своей позиционировали себя как «атлантисты» или «европеисты» [Steiner 2005, pp. 27–28]. Первые считали, что залог обеспечения позиций Великобритании как великой державы – консолидация империи, укрепление ее положения как глобальной экономической державы. Вторые исходили из приоритета сохранения статус-кво на европейском континенте, в рамках которого Германия стала бы одной из опор нового порядка. И те и другие стремились восстановить мир, стабильность и возможности для экономического развития. При этом все соглашались с тем, что простого возвращения к системе баланса сил быть не может. Мир изменился, и для поддержания безопасности требовалось нечто большее, чем те модели, которые функционировали в рамках Вестфальского и Венского миропорядков. Идея создания наднационального органа, который взял бы на себя ответственность за это, нашла живой отклик в Лондоне, однако то, что в конце 1918 – начале 1919 гг. предлагали британцы, мало походило на вильсоновскую Лигу Наций. Их проекты международной организации были лишены ценностной составляющей. Речь шла о решении конкретных проблем: предотвращении новой

войны, сокращении вооружений, определении судьбы народов, получивших независимость после распада европейских империй, пересмотре статуса колоний.

Проект послевоенного урегулирования, предложенный президентом США, явно отличался и от французского, и от британского. Строго говоря, германский вопрос в нем играл лишь второстепенную роль, хотя Вильсон также считал, что Германия должна быть наказана за развязывание войны. Судьба поверженного Рейха являлась лишь поводом для постановки проблемы нового мироустройства. Мировая война убедила президента в том, что принцип баланса сил и система военных альянсов себя изжили, а безответственное поведение европейских элит поставило континент на грань катастрофы. Америка должна была предложить новое видение международных отношений, которое позволило бы человечеству развиваться в мире и гармонии. «Сделать мир безопасным для демократии» можно было лишь при условии искоренения самой военной угрозы [Lansing 1921, p. 29]. Суть этого проекта была изложена в «14 пунктах», озвученных президентом Конгрессу в январе 1918 г. Помимо призывов к отказу от тайной дипломатии, разоружению, снятию всех барьеров для развития глобальной экономики, в них содержалось предложение о создании «общего объединения наций», которое должно было взять на себя ответственность за судьбы цивилизации.

Идея американской исключительности, противопоставляемой европейской отсталости, имела глубокие исторические корни. Долгое время она лежала в основе политики изоляционизма, однако в начале XX в. активно переосмыслилась. В 1900 г. Вильсон, еще будучи профессором Принстонского университета, говорил: «Мир превра-

тился в единое целое... Никакая нация не может больше отгораживаться от других... Теперь Соединенные Штаты должны участвовать во всем этом... Нации и народы, которые пребывали в спячке на протяжении столетий, станут частью универсального мира коммерции и идей... Наш особый долг – регулировать этот процесс в интересах свободы» [Согрин 2016, с. 97]. В ходе парижских переговоров президент США неоднократно отмечал, что является «честным маклером», так как представляет наименее заинтересованную сторону конфликта. Во многом это было именно так. Американцы гораздо меньше других поставили на карту в ходе Первой мировой войны. Для них война так и не стала в полном смысле слова тотальной: американское общество едва ли ощутило на себе ее сколь-нибудь серьезное влияние. Имея эту свободу маневра, Вильсон с полным основанием предлагал европейцам разрубить тот гордиев узел внутри- и внешнеполитических противоречий, который возник к 1918 г.

Фактически, он формулировал доктрину либерального интернационализма, которую на первых порах скептически восприняли и в Европе, и за океаном. «Бог дал нам десять заповедей – и мы их все нарушили. Вильсон дает нам четырнадцать пунктов – ну что же, поживем – увидим», – саркастически высказывался о предложениях своего американского визави Клемансо [Baley 1980, р. 608]. «Идеалистически настроенный президент, – вспоминал Ллойд Джордж, – считал себя миссионером, призванным спасти бедных европейских язычников» [Lloyd George 1938, р. 223]. Однако за пафосом Вильсона скрывалось стремление сформулировать парадигму развития послевоенного мира, который разительно отличался от существовавшего до 1914 г. В этом смысле его «14 пунктов» оттал-

кивались от реального положения дел. Главным оппонентом Вильсона была не старая европейская дипломатия в лице Клемансо и Ллойд Джорджа, а русский большевизм. Как отмечал сам президент в беседе с секретарем, «яд большевизма только потому получил такое распространение, что является протестом против системы, управляющей миром. Теперь очередь за нами» [Беккер 1923, с. 191–192].

Отношение к большевистскому эксперименту являлось важным индикатором того, каким видели себе послевоенный мир отцы-основатели Версальской системы. Французы настаивали на бескомпромиссной борьбе против большевизма всеми возможными способами, вплоть до прямой интервенции. «Я в принципе против того, чтобы разговаривать с большевиками. Не только потому, что они – преступники, но также и тем более потому, что, разговаривая с ними, мы рискуем придать им дополнительную силу» [Clemenceau 1991, р. 794], – заявил в январе 1919 г. Клемансо. Иной была точка зрения Ллойд Джорджа. Он постоянно колебался между страхом экспансии большевистской идеологии и признанием того факта, что она, во-первых, вызвана к жизни объективными последствиями мировой войны, и во-вторых, разделяется людьми, контролирующими большую часть бывшей Российской империи [Lloyd George 1938, pp. 315–319].

Еще более сложной выглядела позиция Вильсона. Его «14 пунктов» действительно во многом перекликались с ленинским декретом о мире. Сам президент на первых порах публично выражал солидарность с большевиками: «Он говорил об “искренности” большевиков в Брест-Литовске, заявлял о праве России “принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики”, обещал “радушный

прием в сообщество наций при том образе правления, который она сама для себя изберет» [Белюсов 2018, с. 346]. Политика советской власти в 1918 г. быстро развеяла лишние иллюзии, однако президент США всегда акцентировал не столько борьбу против большевизма, сколько необходимость разъяснить русскому народу преимущества либеральной демократии. Большевики неизменно оставались для него скорее конкурентами. Несколько лет спустя Вильсон называл русскую революцию «выдающимся событием нашего века», «продуктом социальной системы» и результатом несовершенства капитализма [Wilson 1923].

Вильсон и В.И. Ленин первыми осознали тот факт, что проблемы послевоенного мироустройства не сводятся к решению германского вопроса. Массы ждали выдвижения нового проекта глобального развития, одним из элементов которого должно было стать иное качество международных отношений. И. Валлерстайн указывает на шесть основных сходств программ Вильсона и Ленина: обе отстаивали принцип самоопределения наций; «выступали за экономическое развитие всех государств, подразумевая под этим урбанизацию, коммерциализацию, пролетаризацию и индустриализацию, которые в итоге должны были бы привести к процветанию и равенству»; акцентировали идею универсальных для всех народов ценностей; подчеркивали ценность научного знания; отмечали, что обеспечиваемый им «прогресс человечества неизбежен и желателен»; заявляли о приверженности к народовластию [Валлерстайн 2003, с. 53].

Между тем никто из них четко не представлял себе, как именно должен выглядеть этот переход. Выдвинутый президентом США план создания Лиги Наций выглядел расплывчато и встре-

тил острую критику со стороны европейской дипломатии. Даже британская делегация, с известной долей понимания относившаяся к предложениям американцев, отказалась обсуждать возможность самоопределения для народов Азии и Африки, освободившихся от османского и германского господства. Вильсону приходилось идти на уступки и соглашаться с тем, что молодое вино наливалось в старые меха. Полноценного инструментария для реализации выдвинутой повестки глобального развития у него не имелось.

В схожей ситуации оказались и большевики. Их декрет о мире сразу столкнулся с железной прозой реальной политики военного времени: вместо всеобщего справедливого равного мира без аннексий и контрибуций в марте 1918 г. им пришлось заключать капитулянтский Брестский договор. Европейская революция, которая должна была освободить трудящиеся массы, покончить с капитализмом и теми войнами, источником которых он являлся, запаздывала, а в начале 1920-х гг. окончательно сошла с повестки дня. Коммунистический Интернационал перешел к партизанским методам борьбы. Однако если вильсоновский проект, не поддержанный ни в Париже, ни в Вашингтоне, был, в конечном итоге, на время свернут, то большевистский продолжал развиваться в одной отдельно взятой стране, занимавшей седьмую часть суши, даже после того, как советские лидеры перестали говорить о мировой революции. Сам этот факт подрывал Версальскую систему.

Британский дипломат, участвовавший в работе Парижской конференции, впоследствии вспоминал: «Мы приехали в Париж, уверенные в том, что вот-вот будет создан новый порядок; мы уехали оттуда, убедившись в том, что новый порядок – это лишь искаженный до

неузнаваемости старый» [Сергеев 2017, с. 316]. По итогам переговоров был согласован компромиссный проект послевоенного мироустройства, который, как это часто бывает, имел немало преимуществ изначально обсуждавшихся программ, но обладал многими их недостатками. Французские предложения превратить Германию в конфедерацию и отторгнуть от нее левый берег Рейна с его передачей его под контроль Парижа были отвергнуты. Германия сохранилась как единое государство, однако потеряла 13% своей территории, все колонии, военно-морской флот и лишилась права иметь полноценные вооруженные силы. 231-я статья Версальского договора объявляла Германию и ее союзников ответственными за развязывание мировой войны. Кроме того, предполагалось, что побежденная сторона заплатит многомиллиардные репарации.

Таким образом, сложилась крайне опасная ситуация: Германия была ослаблена, но не обезоружена. Победители, назвав немцев единственными виновными в начале войны, сделали германский реванш неизбежным. После 1919 г. любое правительство, находившееся у власти в Берлине, исходило из необходимости ревизии Версальского мира. При этом военный вариант всегда рассматривался как вероятный. Формально лишенная массовой сухопутной армии и генерального штаба, потерявшая возможность испытывать и ставить на вооружение современные виды военной техники, Германия фактически сохранила широкие возможности готовиться к будущей войне [Corum 1992].

В Париже было достигнуто принципиальное соглашение о перекройке политической карты Восточной Европы. Здесь официально провозглашенный принцип самоопределения наций пришел в противоречие с реалиями исто-

рически формировавшихся географических и этнических границ [Гришаева 2019, с. 19]. На месте распавшихся империй возникли национальные государства, включавшие в свой состав значительные этнические меньшинства. В результате межнациональные конфликты не только не урегулировались, но и превращались в мины замедленного действия, угрожавшие целостности всего здания европейской безопасности. Похожими противоречиями была отмечена и согласованная модель решения колониального вопроса. Мандатная система фактически представляла собой форму колониального господства старых европейских заморских империй и Японии над рядом народов Азии и Африки при формальном признании их права на получение суверенитета в будущем. Неприкрытым диктатом стал навязанный победителями Турции Севрский мирный договор. В данном случае Франция и Великобритания даже не пытались сохранить внешний демократический антураж: по их замыслу Турция фактически должна была исчезнуть как держава регионального значения, съездившись до масштабов государственного образования в центральных районах Малой Азии.

Принятый на конференции устав Лиги Наций также являл собой результат сложного компромисса. Идея Вильсона о создании наднационального института как инструмента формирования мирового порядка, базирующегося не на силе, а на ценностях свободы и демократии, была серьезно трансформирована. Французы и британцы считали, что принятие варианта, выдвинутого президентом США, откроет широкий путь распространению американского влияния во всем мире. К замыслу Лиги они относились утилитарно, рассматривая ее в качестве органа, отвечающего за послевоенное урегулиро-

вание. Именно их взгляд лег в основу итогового проекта международной организации. Лига Наций получила коллективный мандат на поддержание глобального статус-кво. Она могла применять в отношении агрессора экономические и военные санкции. Входявшие в ее состав комиссии ведали широким кругом вопросов, от борьбы против наркоторговли до защиты прав женщин [Northedge 1986]. Однако реальные возможности Лиги влиять на мировую политику были ограничены. Предотвратить агрессию путем наложения санкций она могла лишь консенсусным решением. Кроме того, в ее уставе отсутствовало четкое понятие «государства-агрессора».

Парижская конференция не смогла сформулировать внятного варианта урегулирования русского вопроса. В ходе его обсуждения соображения реальной политики, идеология, фобии по поводу перспектив возрождения сильного конкурента, нежелание победителей брать на себя ответственность за наведение порядка на территориях бывшей Российской империи завязались в тугой узел. В результате Россия, как и Германия, оказалась за рамками новой международной конструкции как чужеродный и потенциально разрушительный элемент.

Таким образом, Версальская система, созданная в основных своих очертаниях на Парижской мирной конференции, изначально страдала глубоким противоречием, совмещая в себе универсальные демократические идеалы с имперскими принципами мироустройства в духе реальной политики [Горохов 2004]. Ее создатели так и не дали ответы на те вопросы, которые двигали массами, вышедшими из мировой войны. Демократизации политики не произошло. На внутривнутриполитическом уровне европейские элиты ограничивались отдельными уступками протест-

ным движениям в виде введения 8-часового рабочего дня и расширения избирательных прав. Лозунги, требовавшие изменения качества международных отношений, так и остались лозунгами. Вильсоновский проект был реализован лишь частично, причем без участия самих США, которые отказались ратифицировать Версальский договор. Большевизм квалифицировали как угрозу, и Россия на долгие годы попала в международную изоляцию. В 1920-е гг. революционная волна в странах Европы пошла на спад, что на фоне экономической стабилизации и начала нормализации франко-германских отношений создало у западных элит впечатление того, что вопрос снят с повестки дня.

Это было большой ошибкой. М. Макмиллан считала, что неверно возлагать на создателей Версальской системы всю ответственность за приход к власти А. Гитлера и создание предпосылок новой мировой войны. По ее мнению, нацизм в любом случае выдвинул бы агрессивную экспансионистскую программу, вне зависимости от того, как сложилась бы судьба Германии на Парижской конференции [Mac-Millan 2002, p. 493]. Эта точка зрения не учитывает тот факт, что причины успеха нацистов объяснялись не только чувством национального унижения, которое испытали немцы после 1918 г., и наличием у них как у нации нереализованных амбиций.

Нацизм стал последствием «восстания масс», масштаб которого недооценили западные политические элиты. Курс на постепенную ревизию Версальского договора в части его «нереализуемых статей» [Middlemas 1991, p. 11], взятый Лондоном вскоре после 1919 г., исходил из того, что политика Германии остается в рамках традиционной системы баланса сил. Особая природа нацизма, который внешнюю экспансию делал

экзистенциальной целью всего бытия германской нации, вплоть до 1939 г. слабо осознавалась и британскими, и французскими элитами. Версальская система не только не создала механизма поддержания стратегического равновесия, оставив Францию фактически один на один с задачей сдерживания германского реваншизма на европейском континенте. Она не смогла в полной мере учесть новый идеологический фактор мировой политики, что сделало ее пересмотр лишь вопросом времени.

Проект мирного урегулирования, подписанный в Версале, сохранил ситуацию идейного вакуума в международных делах, в то время когда вся общественная жизнь во всемирном масштабе быстро идеологизировалась. Действовать, руководствуясь одними лишь рецептами Макиавелли, больше было нельзя, а категорию национального интереса приходилось наполнять идейным содержанием, понятным широким массам. Э. Хобсбаум, вероятно, не ошибался, когда утверждал, что 1919 г. не снял тех противоречий, которые создала Первая мировая война. Для их преодоления потребовались тяжелые поиски межвоенного периода и еще один разрушительный глобальный конфликт. После 1945 г. вильсоновский либерализм, который часть европейских элит еще недавно считала идеалистическим прожектерством, был фактически принят в качестве доктрины развития всего западного мира. Советский коммунизм окончательно оформился как его альтернатива, принятая другой половиной планеты, однако, по сути, в обоих случаях речь шла об одном и том же – о реализации просвещенческих идеалов в интересах всех классов и народов.

Крах реального социализма стал важной вехой, которая отметила закат

этой модели. Его причины достаточно сложны и требуют отдельного анализа, однако последствия изменения тренда глобального развития на сегодняшний день вполне очевидны. Мировой порядок, понимаемый в самом широком смысле, делегитимирован. Запад и Восток, похоже, переживают второе «восстание масс». Широкие слои общества недовольны распределением собственности и власти. В условиях глобального мира этот протест легко пересекает национальные границы и облекается в универсальные лозунги. Внутренняя и внешняя политики становятся неразличимы. Возникает очевидный запрос на новые всеохватывающие объяснительные модели и формы целеполагания. Элиты при этом во многом дезориентированы. Четкого ответа на вызов времени у них нет, и они предпочитают импровизировать. В результате на свет появляются явления и образы, хорошо знакомые по межвоенной эпохе. Всего один, но яркий пример этого – сюжет «вмешательства в выборы». Актуальные спекуляции на этот счет имеют прямые параллели в 1920–1930-х гг., когда британские и французские политики в ходе электоральной борьбы неоднократно поднимали тему «руки Москвы».

Версаль впервые в явном виде обозначил проблему формирования стабильной системы международных отношений в условиях глобализованного мира. Очевидно, что в этом мире война уже не может рассматриваться в качестве легитимного средства разрешения противоречий между странами. Она становится настолько разрушительной, что грозит самым основам стабильного развития общества. В равной степени неприемлема ситуация, когда миропорядок строится по принципу игры с нулевой суммой. Нельзя построить устойчивую систему международных отношений на дискриминации ак-

туальной либо потенциальной великой державы. Необходима такая стратегия, благодаря которой в выигрыше останутся все игроки. Наконец, очевидным стал тот факт, что динамичное развитие глобализованного мира предполагает наличие наднациональной силы, готовой взять на себя ответственность за его будущее. Америка, после 1918 г. самоустранившаяся от мировых дел, во многом виновна в той хаотизации, которая похоронила Версальский порядок. Она не повторила этой ошибки после 1945 г., однако сегодня понятно, что в современных условиях ей одной эта задача не по силам.

Важнейший урок Версаля для современной международной политики – необходимость комплексно подойти к проблеме выстраивания нового миропорядка. Простое принятие схем «многополярности» или «концерта держав», попытки вернуться к прагматизму и принципам *raison d'Etat* едва ли помогут найти пути выхода из тупиков глобального развития. Самым неблагоприятным последствием этого может стать возвращение темных призраков прошлого, о чем сразу после завершения холодной войны предупреждал Э. Люттвак [Luttwak 1994]. М. Макмиллан, завершая свое фундаментальное исследование работы Парижской мирной конференции 1919 г., писала о том, что миру надо было пережить все ужасы военного опустошения, чтобы принять качественно новый проект развития международных отношений [MacMillan 2002, р. 493]. В начале XXI в. на повестке дня стоит задача выдвижения такого проекта в условиях бурного, но мирного развития. Решить ее будет непросто, однако без этого человечество рискует повторить опыт того, что французский политик Л. Барту назвал «беспокойной историей неустойчивого мира» 1918–1939 гг.

Список литературы

Барановский В.Г. (2014) Система международных отношений: формирование новых реалий // Дынкин А.А., Иванова Н.И. (ред.) Глобальная перестройка. М.: Весь мир. С. 299–340.

Беккер С. (1923) Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М.: Государственное издательство.

Белоусов Л.С. (2018) Революционные события в России в восприятии правящих кругов стран Европы и Америки (1917–1918) // Тучков И.И. (ред.) Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1. М.: Издательство АО «РДП». С. 337–347.

Валлестайн И. (2003) После либерализма. М.: УРСС.

Горохов В.Н. (2004) История международных отношений 1918–1939. Часть 1. М.: МГУ.

Гришаева Л.Е. (2019) От Версаля к войне... о роли «буферных» государств // Дипломатическая служба. № 2. С. 16–40.

Караганов С.А. (2018) Как победить в холодной войне // Россия в глобальной политике. Т. 16. № 5. С. 102–115 // <https://globalaffairs.ru/number/Kak-pobedit-v-kholodnoi-voine-19745>, дата обращения 31.10.2019.

Клаузевиц К. (1934) О войне. М.: Госвоениздат.

Легвольд Р. (2014) Как справиться с новой холодной войной // Россия в глобальной политике. Т. 12. № 3. С. 60–70 // <https://globalaffairs.ru/number/Kak-spravitsya-s-novoi-kholodnoi-voinoi--16768>, дата обращения 31.10.2019.

Ливен Д. (2017) Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М.: РОССПЭН.

Макферсон К.Б. (2011) Жизнь и времена либеральной демократии. М.: ВШЭ.

Маль К.М. (2002) Гражданская война в США 1861–1865: Развитие военного искусства и военной техники. М.: АСТ; Минск: Харвест.

Манан П. (2004) Общедоступный курс политической философии. М.: Московская школа политических исследований.

Манфред А.З. (ред.) (1973) История Франции. Т. 3. М.: Наука.

Миллер А.И. (2006) Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение.

Ознобищев С.К. (2016) «Новая холодная война»: воспоминания о будущем // Полис. № 1. С. 60–73. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.05

Портяков В.Я. (2013) Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН.

Сергеев Е.Ю. (2018) Версальско-Вашингтонская система международных отношений // Чубарьян А.О. (ред.) Всемирная история в 6 тт. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1. М.: Наука. С. 309–346.

Согрин В.В. (2016) Американская империя как исторический и современный феномен // Новая и новейшая история. № 3. С. 91–109 // https://elibrary.ru/download/elibrary_26286517_43654916.pdf, дата обращения 31.10.2019.

Туз А. (2019) Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Издательство Института Гайдара.

Хобсбаум Э. (2004) Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство «Независимая Газета».

Bailey T.A. (1980) A Diplomatic History of the American People, New Jersey: 10th ed. Englewood Cliffs.

Clemenceau G. (1930) Grandeurs et Misères d'une Victoire, Paris: Plon.

Clemenceau G. (1991) Ce Sont des Criminels // Commentaire, vol. 4, no 56, p. 794 // <https://www.commentaire.fr/>

boutique/achat-d-articles/ce-sont-des-criminels-3323, дата обращения 31.10.2019.

Corum J.S. (1992) The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform, Lawrence: University Press of Kansas.

Fischer F. (1967) Germany's Aims in the First World War, New York: W.W. Norton & Company.

Lansing R. (1921) The Peace Negotiations: a Personal Narrative, Boston: Houghton Mifflin company.

Lentin A. (1984) Lloyd George, Woodrow Wilson and the Guilt of Germany: an Essay in the Pre-history of Appeasement, Leicester: Continuum International Publishing Group.

Lloyd George D. (1938) The Truth About Peace Treaties, v. 1, London: Victor Gollancz Ltd.

Luttwak E. (1994) Why Fascism is the Wave of the Future // London Review of Books, vol. 16, no 7, pp. 3–6 // <https://www.lrb.co.uk/v16/n07/edward-luttwak/why-fascism-is-the-wave-of-the-future>, дата обращения 31.10.2019.

MacMillan M. (2002) Paris 1919: Six Months that Changed the World, New York: Random House Trade Paperbacks.

Middlemas K. (1991) Diplomacy of Illusion: The British Government and Germany, 1937–1939, Aldershot: Gregg Revivals.

Northedge F.S. (1986) The League of Nations: Its Life and Times, 1920–1946, Leicester: Leicester University Press.

Steiner Z. (2005) The Lights that Failed. European International History, 1919–1933, New York: Oxford University Press.

Unger G. (2005) Aristide Briand, Paris: Fayard.

Wilson W. (1923) The Road Away from Revolution, Boston: The Atlantic Monthly Press.

The Pages of the Past

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-148-165

"The Restless History of an Unstable World": the 100th Anniversary of the Versailles Peace Treaty

Aleksandr A. VERSHININ

PhD in History, Lecturer, Department of the Russian History of XX-XXI centuries,
Faculty of History

Lomonosov Moscow State University, 119991, GSP-1, Lomonosovskij Av., 27, bldg 4,
Moscow, Russian Federation

E-mail: averchinine@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5206-8013

CITATION: Vershinin A.A. (2019) "The Restless History of an Unstable World": the 100th Anniversary of the Versailles Peace Treaty. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 148–165 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-148-165

Received: 10.06.2019.

The article is financially supported by the grant of President of the Russian Federation for young Russian Scientists (MK–6084.2018.6).

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of the Versailles system of international relations. The author emphasizes the fact that it was the product of the first total war in the history of mankind, and as such had a number of characteristics that strikingly distinguished it from the models that had existed in the past. The goal of its founders was to establish a lasting peace in a situation where the course and consequences of the world war preconditioned the use of particularly harsh sanctions against the vanquished party. In addition, the war linked the problems of the post-war settlement and the internal political agenda of the warring countries, marked by the "uprising of the masses". All this created a special background for the work of the Paris Peace Conference. The leaders of France and Great Britain acted, in many respects,*

under the influence of these factors, which limited their field for maneuver. It turned out to be impossible to fully implement the project of a democratic world proposed by US President W. Wilson. These contradictions were most clearly manifested during the discussion on the Russian question. As a result, the emerging system of international relations was marked by a number of structural contradictions, which made its disintegration inevitable. According to the author, modern world politics is facing similar challenges.

KEY WORDS: *international relations, Versailles Treaty, Wilson, Clemenceau, Lloyd George*

References

- Bailey T.A. (1980) *A Diplomatic History of the American People*, New Jersey: 10th ed. Englewood Cliffs.
- Baker S. (1932) *Woodrow Wilson. World War. Peace of Versailles*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo (in Russian).
- Baranovskij V.G. (2014) The System of International Relations: the Formation of New Realities. *Global Restructuring* (eds. Dynkin A.A., Ivanova N.I.), Moscow: Ves' Mir, pp. 299–340 (in Russian).
- Belousov L.S. (2018) Revolutionary Events in Russia in the Perception of the Ruling Circles of the Countries of Europe and America (1917–1918). *The Century of the Revolution of 1917 in Russia*. Scientific collection. Part 1 (ed. Tuchkov I.I.), Moscow: Izdatel'stvo AO "RDP", pp. 337–347 (in Russian).
- Clausewitz C. (1934) *On War*, Moscow: Gosvoenizdat (in Russian).
- Clemenceau G. (1930) *Grandeurs et Misères d'une Victoire*, Paris: Plon.
- Clemenceau G. (1991) Ce Sont des Criminels. *Commentaire*, vol. 4, no 56, p. 794. Available at: <https://www.commentaire.fr/boutique/achat-d-articles/ce-sont-des-criminels-3323>, accessed 31.10.2019.
- Corum J.S. (1992) *The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform*, Lawrence: University Press of Kansas.
- Fischer F. (1967) *Germany's Aims in the First World War*, New York: W.W. Norton & Company.
- Gorokhov V.N. (2004) *History of International Relations, 1918–1939*. Part 1, Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta (in Russian).
- Grishaeva L.E. (2019) From Versailles to War... on the Role of "Buffer" States. *Diplomaticheskaya sluzhba*, no 2, pp. 16–40 (in Russian).
- Hobsbaum E. (2004) *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*, Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta (in Russian).
- Karaganov S.A. (2018) How to Win the Cold War. *Russia in Global Affairs*, vol. 16, no 5, pp. 102–115. Available at: <https://globalaffairs.ru/number/Kak-po-bedit-v-kholodnoi-voine-19745>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Lansing R. (1921) *The Peace Negotiations: a Personal Narrative*, Boston: Houghton Mifflin company.
- Legvold R. (2014) How to Cope with the New Cold War. *Russia in Global Affairs*, vol. 12, no 3, pp. 60–70. Available at: <https://globalaffairs.ru/number/Kak-spravitsya-s-novoi-kholodnoi-voinei-16768>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Lentin A. (1984) *Lloyd George, Woodrow Wilson and the Guilt of Germany: an Essay in the Pre-history of Appeasement*, Leicester: Continuum International Publishing Group.
- Lieven D. (2017) *Towards the Flame: Empire, War and the End of Tsarist Russia*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Lloyd George D. (1938) *The Truth About Peace Treaties*, v. 1, London: Victor Gollancz Ltd.
- Luttwak E. (1994) Why Fascism is the Wave of the Future. *London Review of Books*, vol. 16, no 7, pp. 3–6. Available at: <https://www.lrb.co.uk/v16/n07/edward-luttwak/why-fascism-is-the-wave-of-the-future>, accessed 31.10.2019.
- MacMillan M. (2002) *Paris 1919: Six Months that Changed the World*, New York: Random House Trade Paperbacks.
- Macpherson C.B. (2011) *The Life and Times of Liberal Democracy*, Moscow: HSE (in Russian).
- Mal K.M. (2002) *American Civil War 1861–1865: The Development of Military art and Military Equipment*, Moscow: AST; Minsk: Harvest (in Russian).
- Manent P. (2004) *An Open Course in Political Philosophy*, Moscow: Moskovs-

kaya shkola politicheskikh issledovaniy (in Russian).

Manfred A.Z. (ed.) (1973) *History of France*. T. 3, Moscow: Nauka (in Russian).

Middlemas K. (1991) *Diplomacy of Illusion: The British Government and Germany, 1937–1939*, Aldershot: Gregg Revivals.

Miller A.I. (2006) *The Romanov Empire and Nationalism: Essay on the Methodology of Historical Research*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Northedge F.S. (1986) *The League of Nations: Its Life and Times, 1920–1946*, Leicester: Leicester University Press.

Oznobishchev S.K. (2016) "New Cold War": Memories of the Future. *Polis*, no 1, pp. 60–73 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.01.05

Portyakov V.Ya. (2013) *Formation of China as a Responsible Global Power*, Moscow: IDV RAN (in Russian).

Sergeev E.Yu. (2017) Versailles-Washington System of International Relations. *World History in 6 vols*. V. 6. The World in

the 20th Century: Epoch of Global Transformations. Part 1 (ed. Chubaryan A.O.), Moscow: Nauka, pp. 309–346 (in Russian).

Sogrin V.V. (2016) The American Empire as a Historical and Modern Phenomenon. *Modern and Current History Journal*, no 3, pp. 91–109. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26286517_43654916.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Steiner Z. (2005) *The Lights that Failed. European International History, 1919–1933*, New York: Oxford University Press.

Tooze A. (2019) *The Deluge: The Great War, America, and the Remaking of the Global Order, 1916–1931*, Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara (in Russian).

Unger G. (2005) *Aristide Briand*, Paris: Fayard.

Wallerstein I. (2003) *After Liberalism*, Moscow: URSS (in Russian).

Wilson W. (1923) *The Road Away from Revolution*, Boston: The Atlantic Monthly Press.